

Том Шарп Сага о Щупсах

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5009097
Сага о Щупсах. Роман: Фантом Пресс; Москва; 2013
ISBN 978-5-86471-648-9*

Аннотация

В идиллической глуши сельской Англии затерялся древний Щупс-холл – замок, где уже не одно столетие заправляют женщины. Род их восходит к датскому викингу, которого взяла в оборот первая из Щупсов. С тех пор так и повелось: Щупсы берут мужчин в плен, используют в хозяйстве и не позволяют им никаких глупостей. Но даже в самых консервативных семействах случаются перемены. Беда (или любовь?) приходит в Щупс-холл в лице Эсмонда Ушли, трепетного юноши с исковерканной биографией. Жизнь его была тяжела до крайности: романтичность матушки-фиалки, ненависть батюшки-клерка и эксцентричность криминального дядюшки кого хочешь лишат рассудка. Или бросят прямо в объятия последней из Щупсов.

«Сага о Щупсах» – тринадцатый роман мэтра истинно английского юмора, виртуоза непочтительной литературной буффонады Тома Шарпа. В лучших традициях классика новая книга также населена идиотами-полицейскими, жлобами, классическими стервами, вселенскими обормотами, властными старухами. Истеричный хохот гарантирован.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Том Шарп

Сага о Щупсах

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии литературного агентства «Синописис»

© Шаши Мартынова, перевод, 2013

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2013

© Tom Sharpe, The Gropes, 2009

*Врачам из Каталонии – Монце Фигерола,
Франсеску Хавьеру Планельясу,
Пере Сола, Монсеррат Вердагер, —
спасшим мою жизнь в 2006 году.*

Глава 1

Поразительный факт: в Старой Англии по-прежнему есть семьи, живущие в тех же домах, что их предки построили века тому назад на землях, принадлежавших им еще до Норманнского завоевания. Щупсы из Щупс-холла – как раз такая семья.

Ни богатые, ни титулованные, Щупсы никогда не разжигали зависти в своих более могущественных и влиятельных соседях, носы не задирали, возделывали земли, носившие те же названия, что и в XII веке, и занимались своими делами, нимало не интересуясь политикой, религией или чем бы то ни было еще, способным втянуть их в неприятности. Никакого принципа в этом обычно не было. Напротив, сплошная инерция и твердое намерение не обременять себя целеустремленным и ретивым потомством.

Щупсы из Щупс-холла обретаются в графстве Нортумберленд. Говорят, они могут отследить свою фамильную линию вплоть до некоего датского викинга, Авгарда Бледного, которого так укачало на пути через Северное море, что он откололся от своей мародерской банды, покуда та грабила женский монастырь в Элмуте. Вместо того чтобы насиловать, как полагается, монашек, он сдался на милость служанки, на которую наткнулся в пекарне; служанка эта пыталась определиться, хочет она быть изнасилованной или нет. Не блиставшая красотой и дважды отвергнутая мародерами Урсула Щупс пришла в восторг от того, что удалой Авгард выбрал ее, и увела его с отвратительной оргии в разграбленном монастыре в уединенную долину Моудейл, в крытую дерном хижину, где родилась. Возвращение дочери, на окончательность исхода коей так надеялся папаша, – да еще и в компании громадного Авгарда Бледного – настолько ужаснуло означенного папашу, простого свинопаса, что он решил не разбираться в подлинных намерениях викинга, задал стрекача, и в последний раз о нем слышали близ Йорка: он торговал жареными каштанами. Уберегши Авгарда от кошмаров обратного пути в Данию, Урсула настояла, чтобы Авгард спас ее честь неизнасилованной монашки и исполнил свой долг. Так, говорят, и возник Дом Щупсов.

Авгард сменил прозвание на Щупс и так встревожил своими размерами и жуткой меланхоличностью немногих обитателей Моудейла, что Урсула, ныне миссис Щупс, со временем смогла завладеть тысячами акров необитаемых пустошей и основать династию Щупсов.

Шли века; семейная легенда и темная тайна фамильных корней и в следующих поколениях Щупсов поддерживали склонность держаться скромнее. Да им и стараться не приходилось. Меланхолия и отвращение к странствиям, когда-то поразившие Авгарда, остались у Щупсов в крови.

Но женщины Щупс для истории семьи оказались куда значимее. Дважды отвергнутая викингами, которые обычно неразборчивы в выборе жертв, оказавшаяся недостойной насилия, мать-основательница фамилии со всей очевидностью пережила психологическую травму. Заполучив Авгарда, она вознамерилась никогда его от себя не отпускать. Также намеревалась она удержать тысячи акров земли, которые обеспечил ей угрюмый вид супруга и его репутация. Поскольку викинг был фактически дезертиром и боялся моря, задача ее оказалась несложной. Авгард всегда сидел дома и отказывался ходить даже на рынок в Бритбери или на ежегодный праздник холощения хряков и борьбы в грязи на Уэлуоркской пустоши. Он предоставил своей жене и пяти дочерям ожесточенно торговаться на рынке и предаваться сомнительным увеселениям на ярмарке. Поскольку дочери пошли в отца и ростом, и силой, унаследовали от него рыжие волосы, а от матери взяли неказистость лиц и настырность, результаты боев в грязи всегда были predetermined. И в этом, и во всем остальном, за что брались женщины Щупс, женская линия брала верх. Разумеется, в любой другой семье земли наследовал старший сын, но Щупсовы акры получала старшая дочь.

И настолько устойчива оказалась эта традиция, что многие болтали: в тех редких случаях, когда первенец оказывался мальчиком, младенца удавливали при рождении. Может, правда, а может, и нет, но точно одно: за годы Щупсы народили необычайно много девочек, хотя, вполне возможно, так получилось не по причине инфантицида, а оттого, что либо по их собственному выбору, либо из-за общей мужеподобности женщины Щупс женили на себе мужчин довольно женоподобных.

Следуя традиции, установленной матерью-основательницей, женихов вынуждали менять фамилию на Щупс. Частенько и жениться этих женихов вынуждали. Никакой гендерно-состоятельный мужчина по доброй воле не сделал бы предложение мисс Щупс даже в беспамятстве, и, вероятно, из-за того, что мисс Щупс постоянно вызывали местных холостяков на бой в грязи на Уэлуоркской ярмарке, развлечение это утратило всякую привлекательность и в конце концов отмерло. Даже самые видные крепыши не торопились принимать вызов. Слишком многие молодые люди выходили из этой ордалии, нахлебавшись грязи до полусмерти – и неспособные отрицать, что во время поединка предложили сопернице руку и сердце. Кроме того, сплоченность девушек Щупс была слишком устрашающей, чтобы вообще что-либо отрицать пред их очами. Одному молодому жениху как-то хватило безрассудства заявить – когда удалось выхаркать грязь, – что он скорее сдохнет, нежели пойдет к алтарю и станет мистером Щупсом, и его швырнули обратно в грязь и держали там, покуда его решение не претворилось в действительность.

Хуже того, Щупсы мужского пола, которым удалось пережить испытание рождения живыми, судьбу себе не выбирали. Если они умели читать, их отправляли служить Церкви, а если не умели (большинству не давали возможности научиться), их высылали в море и мало кого потом видели. Ни один вменяемый мужчина не вернулся бы в Щупс-холл, дабы идти по следам отца – пасти овец, помогать на кухне и открывать рот, только когда к нему обращались жена или теща.

Деться было некуда. В ранней истории семьи нескольким мужьям удавалось добраться до каменной изгороди, окружавшей имение Щупсов, и даже – был случай – через нее перевалить. Но общая унылая сущность местных территорий вкупе с измождением от удовлетворения неутолимых постельных appetитов жен лишали беглецов шансов уйти дальше. Их препроваживали обратно в Щупс-холл возмутительно дружелюбные блауханды, специально натасканные выслеживать беглых супругов, после чего мужей подвергали жестокому раздеванию и отправляли спать без ужина.

Даже и в менее дикие времена женщины Щупс властвовали над своими мужчинами и следили за тем, чтобы существования их имения никто не замечал. Разумеется, Щупс-холл построили сильно вдалеке от исторической дерновой хижины, в которую Урсула привела Авгарда Бледного. Поколения волевых женщин и их женственных мужей, что канючили у жен шелковые гобелены, лепные потолки и венецианские зеленые кресла, а также алкали приватности и удобства ватерклозетов, а не уличных нужников, не могли оставить дом и близко похожим на исходную хибару. И тем не менее изменения вносились медленно и поэтапно. Ничто не выбрасывалось и ничего претенциозного не добавлялось, во всяком случае – снаружи, чтобы не привлекать внимания к Щупс-холлу. Даже дерн с кровли хижины применили для прокладывания зазоров между досками в полу спален и потолков под ними, дабы заглушить шум брачных занятий.

К XIX веку Щупс-холл обрел вид большой и довольно удобной нортумберлендской усадьбы; его серые каменные стены с маленькими окошками никак не намекали на странные традиции, что продолжали существовать в умственном укладе самих Щупсов. Да, невозможно было найти в округе мужчину, готового приблизиться к любой мисс Щупс на расстояние досягаемости, и, хотя обычай боев в грязи со всеми жуткими последствиями остался в прошлых веках, память о тех чудовищных событиях все еще витала по округе. На самом

деле память эта в некоторой степени поспособствовала процветанию Щупсов. Любой мисс Щупс довольно было появиться на рынке Бритбери, как все хотя бы сколько-нибудь женибельные мужчины мгновенно исчезали, а цены на скот падали, если леди пришла покупать, или подсакивали, если она продавала.

К 1830-м годам проблема нахождения мужа в Нортумберленде встала настолько остро, что лишь изобретение железнодорожного сообщения спасло семью от серьезных раздумий о том, не привлечь ли к деторождению мужчин из местного приюта для умалишенных – со всеми возможными вредоносными последствиями для грядущих поколений. И дело даже не в том, что женитьба на психе – такая уж экстраординарная задача. В прошлом несколько мужей оказались настолько бесплодны или неизлечимо импотентны, что приходилось идти на отчаянные меры – похищать случайных путников или платить непутевым торговцам с большими семьями. Не одному страннику, чей путь пролегал через Моуздейл, довелось попасть в кошмарную засаду, устроенную очередной миссис Щупс, облаченной в мужскую одежду, и под принуждением совершить противоестественный – по всей видимости – акт, после чего получить оглушительную дозу джина или опия и оказаться в канаве в милях от Щупс-холла.

Появление железных дорог все изменило. Стало возможным добираться до Манчестера или Ливерпуля и возвращаться с женихом, который, правда, не догадывался, что помолвлен, покуда его не приводили пред очи преподобного Щупса и не вынуждали произвести «да» в маленькой часовне на задах Щупс-холла. На тот факт, что некоторые подобные женихи уже состояли в браке и имели семью, радостно закрывали глаза, ибо таковое доказательство фертильности лишь добавляло женихам очков. Кроме того, у них был готовый и совершенно понятный повод сменить фамилию. В то же время осознание, что им грозит уголовное преследование и долгий тюремный срок за двоеженство, привязывало их к Щупс-холлу еще сильнее.

Но наибольшая незадача – первенцы-мальчики, когда была нужда в девочках, или того хуже – те миссис Щупс, которым не удавалось родить вообще ни одной особи женского полу. Закон о регистрации рождений и смертей 1835 года сделал старинный способ решать эту проблему удушением новорожденных мальчиков процедурой крайне рискованной. Семья все равно никогда и не признавала за собой подобных методов.

Проблема недостачи наследниц встала особенно остро перед миссис Россетти Щупс, которая, судя по всему, в принципе не способна была рожать девочек.

– Я не виновата, – рыдала она, произведя на свет седьмого мальчика. – Артура упрекайте.

Эта отговорка, впоследствии подтвержденная наукой, не удовлетворила ее сестер. Беатрис пришла в бешенство.

– Не надо было брать это животное, – фыркнула она. – Любой дуре видно, насколько он развратен и мужествен. Знаем ли мы в округе такого, у кого безупречная репутация производителя девочек?

– В Гингэм-Коулвилле есть Берт Дряншот. У миссис Дряншот народилось девять очаровательных девочек и... – начала было Софи.

– Берт-золотарь? Невероятно. Не видала мужчины уродливее, он же весь в прыщах... Уверена? – спросила Фэнни.

Софи Щупс была уверена.

– Не лягу я с Бертом Дряншотом! – истерически завопила Россетти. – Мой Артур, может, и не идеальный муж, но он хотя бы чистенький. Берт Дряншот – совершенный грязнуля.

Сестры сердито на нее воззрились. Ни одна Щупс никогда не отказывалась от выполнения долга. Даже во время чумы, когда другие усадьбы закрыли свои двери странникам,

бесплодная вдовая Элайза Щупс смело притаскивала напуганных мужчин, искавших безопасности в удаленном Моуздейле, к себе в постель и оказывала им поддержку. Попытки ее, увы, не увенчались успехом – от чумы она и умерла. Но ее пример установил высокую планку для грядущих поколений Щупс.

– Ты ляжешь с Бертом Дряншотом, нравится тебе это или нет, – угрожающе сказала Беатрис.

– Артур будет вне себя. Он очень ревнивый.

– И бездарный муж. Он все равно ни о чем не узнает.

– Да узнает наверняка, – сказала Россетти. – Он очень неукоснительный любовник.

– Значит, мы позаботимся о том, чтобы эти дела перестали его интересовать, – сказала Беатрис.

Три месяца спустя Россетти более-менее пришла в себя после рождения сына, который был, как водится, отправлен в детский приют в Дарэме, а Артур Щупс получил сверхдозу снотворного, подсыпанного в суп, – он только и успел сказать, что суп удался лучше обычного, после чего уснул над вареной бараниной с морковью. Тем же вечером с ним весьма неудачно приключилась битая бутылка из-под бренди, и от этого приключения он так никогда и не оправился.

Тем временем Софи и Фэнни отправились в занавешенной коляске в Гингэм-Коулвилл за Бертом Дряншотом. Они застали его за обычным зловонным делом в два часа пополудни, и, когда Фэнни, зайдя спереди, обратилась к нему с вопросом – якобы узнать, как проехать в Алэнуик, – Софи, вооруженная кистенем, лишила его сознания одним метким ударом по затылку. Оставалось лишь привезти его в Щупс-холл, где после того, как его отмыли, завязали глаза, произвольно умастили несколькими флаконами духов, накормили уймой устриц и толченым жемчугом, он исполнил свой долг в состоянии галлюцинаторного обморока, спровоцированного сотрясанием мозга.

Даже Россетти сочла произошедшее, противу ожидания, не столь отвратительным и испытала даже некоторую скорбь, когда Берта накачали наркотиками и отвезли обратно в Гингэм-Коулвилл. Берт же Дряншот, оказавшись на крыльце родного дома нагишом и смердя парфюмом, испытал кулак жены и глубокое сожаление, что женился на такой жестокой несимпатичной женщине.

Артур Щупс чувствовал себя и того хуже. Лежа в Уэксэмской больнице, он болезненно осознавал, что с ним произошло, но, как ни силился, ни в какую не мог постичь, как и почему.

– Можно ли хоть что-нибудь сделать? – спрашивал он у врачей уже менявшимся голосом, но в ответ слышал лишь, что сделать с чем-либо уже почти ничего нельзя и не стоило ему пить столько бренди. Артур отвечал, что не помнит, как вообще пил бренди, даже каплю, ибо всю жизнь был трезвенником, но если врачи говорят ему правду и единственная радость его жизни окончательно для него потеряна, то уж будьте уверены, пить он будет как лошадь.

Решение Артура стать полновесным пьяницей укрепилось, когда девять месяцев спустя Россетти Щупс родила необычайно уродливую дочь, черноглазую и темноволосую, без единой черты, какие отличали всех мальчиков, коим он приходился отцом. Через год он умер глубоко озлобленным кастратом-алкоголиком, а довольно скоро вслед за ним сошли в могилу Россетти и ее дочь – обе подхватили воспаление легких крайне холодной и сырой зимой.

К счастью для семьи Щупсов, Фэнни исправила ошибки Россетти и произвела на свет семь девочек, без спешества Церкви нанеся несколько регулярных ночных визитов в Гингэм-Коулвилл, где, будучи менее чувствительной и щепетильной, нежели усопшая сестра, принимала авансы Берта Дряншота. Стараниями ассенизатора женская линия Щупсов вновь была спасена.

Глава 2

К середине XIX века облагораживание британского общества, начавшееся почти столетом назад на юге, наконец добралось до Моуздейла и Щупс-холла. Щупсы уже оборудовали усадьбу ватерклозетом и венецианскими зелеными креслами и постарались не обращать внимания на дальнейшие посягательства моды на их земли, поскольку любая мода вскоре проходит. Но неизбежно даже Беатрис, ныне хозяйка дома, поддавалась соблазну кружевных салфеточек и обильной мебелировки, ставших популярными в иных местах полувеком ранее. От старых оловянных ванн, много лет удовлетворявших потребности семьи в ежегодных омовениях, избавились и завели громадные железные, с кранами, в которых всегда была холодная, а временами – горячая вода, и Щупсы женского пола принялись мыться как минимум раз в неделю.

Однако для мужей и случайных сыновей, все еще болтавшихся иногда под ногами, все шло почти так же, как раньше. Мужчины Щупсы варили эль для своих жен и перегоняли различные смертельные алкоголи, которые назывались бренди или джин в зависимости от цвета, – и предавались этому занятию из поколения в поколение; если везло или если супруги желали их услуг, мужчинам не возбранялось кое-когда искупаться в реке по соседству.

За вычетом облагораживания, мужчины и женщины в общем и целом занимались своими делами, как будто ничто в материальном мире никогда не меняется. Но они заблуждались.

В начале XX века на землях Щупсов обнаружили уголь – в количествах куда больших, чем раньше, такими толстыми пластами и так близко, что даже Аделейд Щупс, единственная дочь с изворотливым деловым умом, действующая глава семьи, занявшая место ныне марзаматичной и прикованной к постели Беатрис, не смогла устоять перед возможностью невероятно обогатиться. Военно-морские состязания с кайзеровской Германией только-только начались, и потребность в угле – строить и двигать дредноуты – оказалась огромной. По унылым долинам пролегла узкоколейка, товарные составы, груженные до краев, катились к заводам и верфям в шестидесяти милях к востоку и возвращались набитые жилистыми мужчинами-шахтерами.

Практически в мгновение ока Щупсы стали довольно богаты – и деньгами, и очевидным изобилием мужчин, способных услужить девушкам Щупс даже и без женитьбы. Но увы. Сомнительная репутация семейства и девять жутких собак – потомков дружелюбных благдаундов, в этом поколении совершенно не дружелюбных, – отравили всех мужчин, как вновь прибывших, так и иных. Девушки тоже не содействовали. По правде сказать, дочери Беатрис, все пять, являли слишком много физических черт своих предков, чтобы привлечь даже самого отчаявшегося мужчину. Шахтеры держались подальше от Щупс-холла и перемещались только группами – в одиночку мужчина становился легкой добычей. Хищные очи наблюдали из окон усадьбы, как рабочие по утрам выбираются из пустых угольных вагонок, а вечером виснут на отъезжающих, забитых битком. Девушки Щупс ничего не могли с этим поделать.

Аделейд, однако, воплотившая в себе неукротимые черты предков, нашла способ воспользоваться и новыми богатствами Щупсов, и внезапным наплывом доступных мужчин. Она, во всяком случае, предвидела проблемы налогообложения, связанные с владением несметными богатствами. Чтобы не дать налоговым инспекторам установить реальный доход от шахты, она сама составила договор. Это был, мягко говоря, замечательный документ. Все доходы должны были выплачиваться в золотых соверенах ежемесячно, доставкой в Щупс-холл главным бухгалтером угледобывающей компании, которому приватно гарантировали пять процентов «черных» доходов. Она убедила Беатрис, которая по закону все

еще оставалась главой семьи, подписать договор с угледобывающей компанией – в присутствии двух напуганных врачей, один из которых служил психиатром в местной больнице, и нотариуса. Поскольку Беатрис к тому времени была не в себе почти до полного маразма, Аделейд шикарно заплатила за это одолжение: подсунула солидную сумму взятки, чтобы врачи и нотариус подтвердили, что Беатрис – в своем уме.

Защитив богатства Щупсов, Аделейд занялась досадной проблемой обеспечения продолжения женской линии семьи. И в полном соответствии традициям предков решила, что похищение и насильное удержание в плену – единственный выход.

Приняв во внимание новые пути в имение Щупсов, появившиеся благодаря железной дороге, Аделейд решительно взялась за упрочение неприступности имения и устроила так, чтобы всякий плененный шахтер и далее пребывал плененным. После одной особенно успешной ночной вылазки, в результате которой двое ничего не подозревавших парней, безмятежно удивших рыбу в реке Моуздейл, проснулись несколько часов спустя связанными, как куриные тушки, под недреманным оком двух наиболее крупных дочерей Щупс, меры предосторожности лишь усилились. На воротах появился знак, предупреждающий любого, кто попытается пробраться в Щупс-холл: «ОСТОРОЖНО! БОЙЦОВЫЕ ИСПАНСКИЕ БЫКИ!» – и, разумеется, у сурового проселка, служившего подъездной аллеей к дому, на вольной привязи паслись два проворных опасных быка. После нескольких злоключений с активным участием поднятого на рога почтальона и полным исчезновением всей корреспонденции, адресованной Щупсам, в том числе и срочной, у ворот к стене приделали почтовый ящик.

Аделейд, желая еще большей защищенности от вторжений, а также гарантий, что никто, оказавшийся на ее землях, их не покинет, пошла еще дальше. По верху каменной изгороди разместили железные зубцы, а изнутри вдоль стены к таким же зубцам прикрепили сверхтолстую колючую проволоку. На деле подобные меры оказались чуть ли не контрпродуктивными. Многовековой репутации Щупсов для умирения местных и без того хватало, и вся эта новая оборонительная мощь вызвала острое любопытство. Люди приезжали из Бритбери и еще более дальних мест поглядеть на зубцы и удивительных черных быков, после чего, знамо дело, отправлялись домой и распускали слухи, что семейство Щупсов явно не растеряло старинных традиций.

– Небось держат у себя какого-нибудь бедолагу, – таково было общее мнение в «Гербе Моузли». – Наверняка лютый малый, раз понатыкали зубцов да накрутили колючки. Кучу денег это все стоит. Эти-то, Щупсы, – богатые, им по карману. Бог его знает, где они тех быков-то добыли.

– В Испании, знать. У них на воротах написано.

Старик у камина заулыбался.

– Положим, так и есть, – сказал он. – А я вам скажу, что они их купили в Бэрнард-Кэсле. Такие же бойцовые быки, как я.

– Я б не рискнул там шастать, – сказал другой. – Эти их девять собак пугают меня до одури. Чисто волки, а не блауханды, ей-ей.

Эти слухи дошли до Аделейд. Они ее не волновали. Волновало ее богатство, какого никогда в семье не было, накопленное в последнее время, и то действие, кое оно производило на сестер. Двое невезучих рыбаков протянули в имении Щупсов один сезон, и удалась им всего только ложная беременность. Постоянное хождение под окнами ражих шахтеров нервировало и дам Щупс, и привязанных быков. Первые целыми днями алкали замужества. Вторые тоже алкали консуммации, только неведомо какой.

Через несколько лет нереализованных желаний Аделейд наконец позволила младшим Щупс шагнуть в открытый мир с достаточными средствами, чтобы обеспечить им доселе не освоенный образ жизни. Быков она при этом благоразумно оставила на привязи.

Освобожденные из заточения в Щупс-холле и от власти Аделейд девушки Щупс стремительно обрели мужей, не ведавших об истории Щупсов, и расселились по городам и имениям Южной Англии. К началу Первой мировой войны Аделейд вынудила главного бухгалтера жениться на себе, пригрозив сдать его с потрохами за ведение паленой бухгалтерии. Через год она родила – себе на радость и всем на удивление – дочку. К тому времени чокнутая тетка Беатрис преставилась, и Аделейд, желавшая как-то все это отметить, полностью преобразила интерьеры Щупс-холла, но фасад сохранила традиционно угрюмым. Меблировка, сильно отстававшая от времени, теперь его нагнала. Аделейд отремонтировала и обставила дом в самом современном стиле, предварительно выяснив, что все это переоснащение можно списать как деловые расходы. Лишь грубые деревянные столы и скамьи в кухне и комнате под названием «кабинет» остались прежними. Как раз в кабинете и велись все дела – Аделейд своих богатств никак не собиралась афишировать. Для пущей безопасности большую часть золота, на которое обменивались полученные барыши, она спрятала в могилу, выкопанную глубже необходимого и заваленную землей, под каменным полом древней часовни, о коей не известно было никому, кроме нее и преподобного Николаса Щупса, а того никогда не выпускали с территории, и он потому не считался. В любом случае, копка могилы для золота так сильно сорвала ему спину, а сам он был до того стар, что проводил почти все время в постели и уйти никуда не мог, даже если б ему позволили.

XX век наконец настиг семью – но не так, как этого можно было ожидать. Нужды промышленности во время Великой войны исчерпали весь уголь в шахте, которую уже дважды эвакуировали – из-за потопа и обрушения перекрытий. Но в целом война мало что изменила в житейском укладе Щупсов.

Первая катастрофа случилась, когда пришла «испанка» и унесла жизни 20 миллионов человек по всей Европе – больше, чем во время страшной войны. К тому времени преемник преп. Николаса умер от сердечного приступа и буквально унес тайну о фамильном сокровище с собой в могилу: золото было перезахоронено под его телом дочерью Аделейд. Позднее от той же инфлюэнцы скончались и Аделейд, и ее дочь, и ее муж, главный бухгалтер, при жизни ведший дела имения под руководством жены и деспотической дочери. Наследницей Аделейд и главой семьи Щупс стала вдова миссис Элайза Щупс, приехавшая в Щупс-холл после смерти мужа и благодарная генералу Людендорфу за то, что тот освободил ее от мужа, майора Щупса, во время наступления в марте 1918 года.

Вступив в права наследования, Элайза вернулась к старым Щупсовым привычкам, поскольку шахта больше не приносила доходов. Ей никогда не нравился современный южно-английский стиль жизни – вся эта удушливая вежливость, светские приличия и необходимость под всех подлаживаться; особенно же ей претила убежденность супруга в том, что глава семейства – он, а она – всего лишь привилегированная служанка. Намереваясь утвердить свое господство, Элайза назначила новым преп. Щупсом сына-сироту некой кузины Щупс, погибшей при налете цеппелинов на Лондон. Его отец женился вторично и, не желая, чтоб бестолковый сын-подросток болтался под ногами, очень обрадовался, когда Элайза выслала его в неприметный богословский колледж.

Даже по окончании Второй мировой войны и многие годы спустя после того, как Элайзу заменила Мёртл Щупс, очередная вдова, чей супруг, к ее удовольствию, полег на поле боя, семья по-прежнему не желала идти в ногу со временем. Плуги по пашням все так же таскали лошади, сено метали и коров доили вручную. Бладхаундов – из-за несчастного случая с одним быком – осталось всего шесть, но в общем и целом, вернись Урсула Щупс и Авгард Бледный из XII века, они бы с гордостью признали родной Щупс-холл.

Вот в это уединенное древнее имение на заре нового тысячелетия Белинда Щупс, племянница ныне пожилой Мёртл, и притащила практически совершенно не оперившегося юнца по имени Эсмонд Ушли.

Глава 3

Детство Эсмонда Ушли было довольно несчастным. В основном – из-за имени.

Конечно, его вины и даже вины отца в том, что он носил фамилию Ушли, не было, хотя в минуту душевной скорби Эсмонд желал, чтобы мистер Ушли остался холостяком. Или, раз уж ему так приспичило жениться, что со всей очевидностью – факт, он, как минимум, склонился к воздержанию или, коль скоро ему это, по всей видимости, не удалось, хотя бы предпринимал меры предосторожности, чтобы жена его не забеременела. Нет, Эсмонд не винил отца. Миссис Ушли – не из тех женщин, которым откажешь в праве материнства. Крупная и безнадежно жизнерадостная, с неутолимыми аппетитами к наислащавейшей и наимерзейшей романтической прозе, эта женщина имела равно неутолимую страсть к любви. Иными словами, она жила в том мире, где мужчины – разумеется, джентльмены – предлагали руку и сердце на скалах над обрывом при полной луне и под музыку волн, бьющихся о камни, а предложения эти принимались со смесью восторга и скромности, после чего сии мужчины пластали своих застенчивых невест по своим мужественным грудям.

Следует отметить, что мистер Ушли поступил не вполне так. Начать с того, что он не был чрезмерно мужественным мужчиной и, служа управляющим в Кройдонском банке, сделал все для усмирения даже тех жалких позывов к страсти, какая пылала, а вернее сказать, коптилась в крови Ушли. Тем не менее миссис Ушли, в то время – Вера Понтсон, стареющая двадцативосьмилетка, уговорила его сделать ей предложение. Того хуже – Вера настояла на скальном ритуале, о котором столько раз читала, и пара отправилась на Бичи-Хед в разгар полнолуния, облаченная в вечерние наряды, максимально приближенные к атласным лифам и бархатным панталонам, о которых столько было говорено в книгах, обожаемых будущей миссис Ушли. Остальным деталям также надлежало соответствовать свиданию, как Вера это назвала, и исполнить ее самые необузданные мечты. Только детали эти не соответствовали. Луна, может, и полнилась где-то в небесах, но являлась лишь урывками, прикрытая плотными низкими облаками. Вера Понтсон отказалась разочаровываться. В ее представлении облака неслись по небу, а ветер на вершине скалы в пятистах футах над, по всей вероятности, взволнованным морем неистовствовал весьма убедительно. В густом мраке оказалось затруднительно различить, взволновано море или нет, но по правде сказать, даже если бы светила полная луна, мистер Ушли, от природы и по профилю занятости человек чрезвычайно осторожный, не имел бы желания в сем удостовериться. Он также страдал боязнью высоты. Такова была мера его любви к Вере, а если точнее, его отчаянное желание обрести домашний уют, которым, со всей очевидностью, упивались его женатые друзья и который Верин невинный романтизм явно обещал, что он позволил себе оказаться в непосредственной близости от отвесных выходов скальных пород. Лишь по дороге к Бичи-Хед вспомнил он, сколько людей бросилось вниз с этой скалы, и осознал чудовищную реальность высоты обрыва, упав с коего выжить невозможно, – и ужас его учетверился.

Именно этот ужас, а не подлинная страсть подтолкнул мистера Ушли сделать Вере предложение с поразительной скоростью, а затем и прижать ее к ополоумевшему сердцу. Также в этом помог внезапный порыв ветра, который практически сдул его с ног. С будущей невестой на руках – очень тяжелой будущей невестой – ему стало гораздо безопаснее; и тут, словно радуясь этому новому союзу, пару сквозь прореху в облаках озарила луна, полная и сверкающая – как раз такая, какую хотела Вера.

– О, дорогой мой, как я ждала этого мига, – восторженно промурлыкала невеста.

Видимо, те же чувства обуревали и двух полицейских. Предупрежденные проезжавшим мимо автомобилистом, заметившим машину и позвонившим в участок с докладом о

еще одной парочке психов, пожелавших, очевидно, покончить с собой, стражи порядка со всей осторожностью подкрались к любовникам.

– Спокойно, все будет хорошо, – проговорил один. Свет их фонариков добавил сцене ослепительности.

Будет ли? Хорэс Ушли отказался подчиняться и идентифицировать себя как банковского служащего, проживающего на Селхёрст-роуд, 143, что в Кройдоне, равно как и принимать обвинения в том, что он собирался лишиться себя жизни или, как довольно бестактно сформулировал сержант, «легко отделаться».

Позднее Хорэс Ушли склонен был заключить, что в этом выражении имелся некоторый провидческий смысл, но в тот момент его больше волновали возможные последствия для его профессиональной карьеры: вдруг кто-нибудь узнает, что он, опять же по словам полицейского сержанта, «склонен кататься раздетым к Бичи-Хед при полной луне и делать предложения непонятым женщинам», – примерно так Вера объяснила, чем именно они были тут заняты. Мистер Ушли предпочел бы, чтобы Вера не вякала, но предпочтение это, как показала вся их супружеская жизнь, никогда не бывало учтено; вот и сейчас Вера восприняла обозначение ее как «непонятой женщины» настолько оскорбительным, что сержант сам сильно пожалел о сказанном. И тут пошел дождь.

Короче говоря, вот так, неблагоприятно начавшись и продолжившись женитьбой в церкви Св. Агнессы, выбранной по литературной ассоциации (Веру еще в школе глубоко потрясло соответствующее стихотворение¹), медовым месяцем в Эксмуре (а это – благодаря Лорне Дун²), сие супружество увенчалось рождением сына и наследника, названного Эсмондом. И как раз из-за своего имени, а не из-за безобидной фамилии Ушли наследник Хорэса и Веры пережил весьма мучительное детство.

Эсмонда назвали Эсмондом в честь персонажа особенно заразного любовного романа, которым мать Эсмонда была увлечена незадолго до его рождения³. В полубессознательном, замутненном лекарствами состоянии после чудовищно тяжелых родов, при которых от Хорэса Ушли не было практически никакого проку – его страх крови по силе был примерно равен его страху высоты, – Вера находила утешение, представляя себе воображаемого Эсмонда. Настоящий мужчина в бриджах из лосиной кожи, рубашка расстегнута до талии, являя миру феноменально мужественную грудь, грива чернейших кудрей плещет на ветру пустошей или, чаще, каменистого мыса над широко раскинувшимся морем – примерно таким она видела идеальную ролевую модель для мальчика, ибо раз и навсегда постановила, что он не станет походить на своего боязливого и такого неромантического отца.

Подверженный со столь ранних лет подобным чудовищным литературным влияниям, Эсмонд Ушли, что не удивительно, с младых ногтей склонен был все делать крадучись. Другие мальчишки носились, орали, скакали, резвились и в целом вели себя на мальчишеский манер, а Эсмонд практически от рождения таился по углам – трусливо и меланхолично.

С точки зрения Эсмонда, подобное поведение было совершенно разумным. Носить такое имя уже было достаточным поводом прятаться, а уж видеть повсюду в доме образ Вериного романтического героя и наткнуться на него в любом книжном магазине и газетном киоске – такое даже менее чувствительного юношу убедило бы в том, что ему никогда не удастся оправдать материнских надежд и ожиданий.

А Эсмонд нечувствительным юношей не был. Напротив. Ни один ребенок с такими, как у Эсмонда, ногами и ушами – первые тоненькие, вторые мясистые и торчащие – не может

¹ Имеется в виду поэма Джона Китса (1795–1821) «Вечер перед Св. Агнессой» (1819). Считается одной из самых красивых английских поэм XIX в., повлиявших на дальнейшее развитие английской литературы. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² «Лорна Дун. Эксмурский роман» (1869) – исторический любовный роман Ричарда Доддриджа Блэкмора (1825–1900), одного из самых известных английских новеллистов второй половины XIX в.

³ Имеется в виду роман Уильяма Мейкписа Теккерея (1811–1863) «История Генри Эсмонда» (1852).

не осознавать, каков он. Не мог он не осознавать и недостатков собственного воспитания, которое применяла к нему мать: ее педагогические методы были столь же слепы и сентиментально старомодны, как и ее читательские привычки.

Сказать, что она носила Эсмонда на руках или что он был зеницей ее ока, – значит не сказать ничего о том пугающем обожании, которому она подвергала бедного мальчика. Стоило сыну попасть в Верино поле зрения, как она обязательно оглашала – громко и во всеуслышание: «Взгляните на это божественное создание. Его зовут Эсмонд. Он дитя любви, мой драгоценный мальчик, воистину дитя любви». Понятие это она подцепила в романе «Взросление Эсмонда», якобы авторства Роузмери Бидефилд, но на самом деле написанном двенадцатью разными писателями: каждому досталось по главе.

Соображение, что она совершенно неверно поняла смысл этого фразеологизма и регулярно сообщала всему миру, что ее сын родился не в браке, а был – как его отец часто думал, однако ни разу не рискнул сказать – маленьким ублюдком, ни разу не пришло Вере в голову. Эсмонду – тоже. Он был слишком занят: сносил насмешки, улюлюканья и освистывания всех и каждого, кто случался рядом.

Иметь растяпу-мать, которая берет тебя с собой по магазинам и провозглашает перед всем миром, даже если весь мир – всего лишь Кройдон, «вот он, Эсмонд», уже само по себе паршиво, но получить известность как «дитя любви» – все равно что положить на душу уют, притом – раскаленный. Не то чтобы Эдмонд Ушли располагал душой, а если и располагал, то неприметной, но гурьба нейронов, нервных окончаний, синапсов и ганглий, из которых состояла эта его неприметная душа, была настолько взбудоражена сими беспрестанными объявлениями и мучительными разоблачениями, что по временам Эсмонд желал себе смерти. Или же – своей матери. Разумеется, нормальный, здоровый ребенок мог бы запросто и закономерно сделать что-нибудь для исполнения таких желаний. К сожалению, Эсмонд Ушли не был нормальным, здоровым ребенком. Слишком много в нем было отцовской осторожности и застенчивости. Так что развившаяся в нем тяга прятаться – в надежде, что его не заметят и не вынудят терпеть очередное материнское публичное признание, – неудивительна.

Сходство Эсмонда и Хорэса Ушли тоже оказалось заметным недостатком. Другой отец гордился бы, что его сын настолько похож на него – практически клон его самого. Чувства мистера Ушли были совсем иными. За годы супружества он изо всех сил уговаривал себя, что единственный мотив столь поспешного и чудовищного матримониального предприятия – ограждение мира от производства осторожных и застенчивых Ушли, колченогих и лопухих. В полном соответствии со своим искренним заблуждением Ушли выбрал себе в жены высокую женщину с могучими ногами и пропорционально развитыми ушами, которая могла бы произвести на свет детей (потомство, как он их называл) настолько смешанного происхождения, что они получатся в общем и целом нормальными. В двух словах, окажутся стандартным продуктом, изысканной смесью удали и застенчивости, бесшабашности и невротичности, вульгарной сентиментальности и продуманного хорошего вкуса, смогут вести разумную продуктивную жизнь и не почувствуют необходимости жениться на совершенно неподобающих женщинах из соображений долга перед обществом и евгеники.

Эсмонд Ушли оказался насмешкой над отцовскими надеждами. Он настолько походил на мистера Ушли, что иногда, бреясь в ванной перед зеркалом, Хорэс переживал устрашающее наваждение: на него из зеркала смотрит его сын. Те же громадные уши, те же крошечные глаза и тонкие губы, тот же нос. Лишь ноги Хорэса разрушали эту дикую идентичность, поскольку скрывались полосатой пижамой. Все прочее же было явлено с отвратительной отчетливостью.

Но что еще хуже, хоть зеркала этого и не показывали, Эсмонд Ушли и отцовский склад ума унаследовал полностью. Пугливый и робкий, а сверх того безрадостный и меланхолич-

ный, как его отец, Эсмонд перенял от отца отвращение к материнским вкусам в литературе. Верины попытки принудить его читать книги, которые так на нее повлияли и настолько ее восхитили в юности, вызывали в сыне тошноту, и в тех редких случаях, когда не был занят какой-нибудь украдкой, он обретался в туалете, предусмотрительно разместив голову над унитазом.

Таким образом, в Эсмонде не проявилось ни единой черты материнской жизнерадостности и задора, ни единого признака ее чистосердечного романтизма и ни единого намека на сибаритские замашки и страсть, кои привели в замешательство здравый смысл мистера Ушли в их медовый месяц. Каковы бы ни были страсти и сибаритские замашки Эсмонда – а временами мистер Ушли сомневался, что у мальчика есть хоть какие-то, – они были так надежно скрыты, что мистер Ушли иногда подозревал у своего отпрыска аутизм.

В десять и даже в одиннадцать лет Эсмонд был исключительно молчалив и общался – если вообще открывал рот – лишь с котом Гобоем, кастрированным (символическое действие, произведенное миссис Ушли и обусловленное скорее недостаточной активностью Хорэса Ушли, нежели избыточной – Гобоя), тучным животным, спавшим круглосуточно и восстававшим ото сна исключительно поесть.

Все могло продолжаться так вечно – Эсмонд беседовал бы с евнухом Гобоем, прятался по кройдонским углам и никогда и близко не оказался бы от Нортумберленда и уж тем более от Щупсов, – если бы пубертат не сыграл с юношей некую шутку.

В четырнадцать Эсмонд внезапно переменился и, отринув застенчивость ранних лет, взялся выражать свои чувства с оглушительным неистовством. Вполне буквально оглушительным. За день до четырнадцатилетия Эсмонда мистер Ушли после нервного рабочего дня в банке вернулся домой и с ужасом обнаружил, что стены содрогаются от барабанных ударов.

– Какого черта здесь происходит? – потребовал он ответа, причем – куда громче обычного.

– У Эсмонда день рождения, и дядя Альберт подарил ему ударную установку, – ответила миссис Ушли. – Я говорила ему, что у Эсмонда может оказаться дарование, и Альберт сказал, что Эсмонд наверняка талантлив музыкально.

– Он что сказал? – проорал мистер Ушли, отчасти демонстрируя изумление, отчасти пытаясь перекричать грохот.

– Дядя Альберт считает, что Эсмонд музыкален, но его талант нуждается в поддержке. Он подарил ему ударную установку. По-моему, это страшно мило, правда?

Мистер Ушли оставил соображения о дяде Альберте при себе. Чем бы ни руководствовался брат Веры Альберт, снабдив набором здоровенных барабанов несомненно весьма неуравновешенного подростка, – а inferнальный грохот подарка сообщал, что мотивы у дарителя были крайне неоднозначные, – определение «мило» Хорэс явно счел неуместным. Безумно? О да. Злокозненно? О да. Дьявольски? О да. Но «мило»? Ну нет.

Вера была предана своему брату, а кроме того, Альберт Понтсон, крупный краснолицый мужчина, владел сомнительным бизнесом, связанным с якобы подержанными автомобилями, которые Альберт в припадке удивительной честности рекламировал как «сменивших владельцев». Бизнес размещался в Эссексе, а Альберт к тому же держал половину свинофермы с забоем скота по принципу «сделай сам», и поэтому Хорэс Ушли совсем не тяготел к категорическому отказу от чудовищного подарка шурина. Хорэсу доводилось навещать Понтсон-Плейс – просторный домик вдали от дороги, построенный на десяти акрах угодий, – и там это чудовище настояло на экскурсии по скотобойне. В результате Хорэс упал в обморок от такого количества крови и расчлененных трупов. Придя в себя после жуткого визита, он однозначно решил: большинство конкурентов Альберта Понтсона по перепродаже подержанных авто наверняка уволились до срока, а немногие упертые – исчезли,

якобы в Австралию или Южную Америку. А превращение Альбертом своего дома в небольшую крепость – пуленепробиваемые тонированные стекла и стальные двери – лишь усилило страх Хорэса перед шурином. Нет, он и помыслить не мог сказать хоть слово против этих чертовых барабанов. Да этот человек – бандит. Тут Хорэс не сомневался.

Прячась от барабанного грохота, Хорэс приноровился уезжать в банк утром гораздо раньше обычного, а возвращаться – гораздо позже. Вере стало казаться, что Хорэс ее избегает и не трудовой, а пивной долг принуждает его задерживаться допоздна; в ее подозрениях была доля правды. Но как бы то ни было, лишь соседям оставалось жаловаться на дикий грохот, раздававшийся из спальни Эсмонда – временами до двух часов ночи. Миссис Ушли заступалась за мальчика изо всех сил, но прибытие контролера по шумовой экологии в разгар особенно ожесточенного барабанного приступа и угроза наказания, если шум не прекратится, в конце концов вынудили ее прислушаться к голосу разума.

– Но ему все равно нужны уроки музыки, частные уроки, – сказала она мужу и удивилась, когда выяснилось, что он уже навел справки и нашел отличного педагога по фортепиано, очень удачно проживавшего в уединенном доме в десяти милях от Ушли.

Эсмонд получил пять уроков, после чего его попросили более не приходить.

– Но почему? Должен быть этому какой-то резон, мистер Хорошинг, – допрашивала миссис Ушли, но преподаватель музыки лишь бормотал что-то насчет нервов своей жены и трудностей Эсмонда в освоении музыкальных ладов.

Миссис Ушли повторила свой вопрос.

– Резон? Резон? – переспросил пианист, со всей очевидностью столкнувшись с трудностью найти связь между чудовищными представлениями Эсмонда о музыке и хоть какой-то резонансностью. – Помимо того, что мое пианино убито насмерть... что ж, вот вам резон.

– Убито насмерть? Что вы хотите этим сказать?

Мистер Хорошинг задумался о пустом месте на каминной полке у себя дома, где любимая ваза его жены – производства Бернарда Лича⁴ – стояла до того, как вибрации от ожесточенных ударов по клавишам в исполнении Эсмонда не сбросили ее на пол.

– Пианино – все же не вполне ударный инструмент, – сказал он наконец натужно. – Еще он струнный. Это не барабан, миссис Ушли, уж точно не барабан. К сожалению, ваш сын не способен это различить. Если у него и есть музыкальное дарование... скажем так, пусть лучше барабанит.

Миссис Ушли хоть и проиграла бой за музыкальность преображенного отпрыска, войну за его артистичность не бросила. Однако после того, как он самовыразился визуально при помощи несмываемого маркера в туалете первого этажа, даже у нее появились некоторые сомнения в будущем сына как художника. Сомнения мистера Ушли оказались глубже.

– Я не позволю осквернять этот дом лишь потому, что тебе кажется, будто Эсмонд – восставший из гроба Пикассо, и во сколько нам обойдется... Подумать только, во что нам встанет ремонт! Тут на сотни фунтов – спасибо этому чертову маркеру.

– Эсмонд не знал, что чернила так въедятся в штукатурку.

Но мистеру Ушли так просто зубы не заговоришь.

– Семь слоев эмульсии, а все равно просвечивает, и где он вообще видел женское кое-что такой формы? Вот что мне интересно.

Миссис Ушли предпочитала видеть в этом иное.

– Нельзя сказать с уверенностью, что это... то, о чем ты думаешь, – сказала она, заманивая его в ловушку. – Это все твои грязные фантазии. Я не восприняла это как какую бы

⁴ Бернард Хауэлл Лич (1887–1979) – британский художник по керамике, педагог. Считается «отцом британской ручной керамики».

то ни было часть человеческой анатомии. Мне это увиделось чистой абстракцией, линией, силуэтом и формой...

– Линией, силуэтом и формой чего? – спросил ее муж. – Так вот, я тебе скажу, что в этом увидела миссис Люмбагоу. Она...

– И слушать не желаю. И не буду, – сказала миссис Ушли, и тут ее озарило: – А откуда ты знаешь, что она увидела? Не хочешь ли ты сказать, что миссис Люмбагоу сообщила тебе, что ей увиделось...

– Мистер Люмбагоу мне сообщил, – сказал мистер Ушли, а супруга его замерла в ожидании непроизносимого. – Он пришел в банк продлить срок по кредиту и отметил, как сильно его чертова жена, зайдя к тебе выпить кофе на днях, впечатлилась рисунком женской штучки на стене в нашем туалете.

– Ну нет, не может быть. Ее к тому времени уже покрасили.

– Именно. Дважды. Но она все равно просвечивает через краску. Миссис Люмбагоу доложила мужу, что это проросло, покуда она сидела в туалете.

– Не верю. Рисунки не прорастают. Она все придумала.

Хорэс Ушли сказал, что дело не в этом. Дело в том, что миссис Люмбагоу видела... ну, что эта штука прорастает... ладно, не прорастает, а проступает сквозь эмульсию, пока она сидела в туалете, и этому паршивцу Люмбагоу хватило пороха потребовать увеличения срока выплаты, угрожая ему, что все узнают о привычке Ушли, а именно Хорэса Ушли, рисовать вульвы, да, к черту «кое-что» и «штучки», давайте называть вещи своими именами, на стене у себя в туалете, и поэтому...

– Ты же не позволишь ему это сделать? Ты же не можешь... – пропищала миссис Ушли.

Хорэс Ушли будто взглянул на свою жену в первый и, возможно, в последний раз.

– Конечно, я все отрицал, – проговорил он медленно, после чего умолк. – Я сказал ему, чтобы он пришел, черт бы его драл, сам и проверил, если мне не доверяет. Поэтому штукатуры придут ликвидировать остатки ущерба завтра же.

– Опять ущерб? Какого еще?

– Ущерб, причиненного литром «Доместоса», кувалдой и паяльной лампой, за которые я заплатил двадцать пять фунтов. Не веришь – иди, убедись.

Миссис Ушли уже унеслась, и, судя по наступившей тишине, Хорэс понял, что впервые за время их брака он добился практически невозможного. Ей нечего было сказать, и вопрос о художественном образовании Эсмонда был отложен навсегда.

Ум миссис Ушли был занят другим: она вдруг увидела великую мужественность в поступке супруга. Разглядывая разгромленную стену уборной, она раздумывала, сможет ли уговорить Хорэса примерить до сих пор не ношенные бриджи из лосиной кожи, которые она подарила ему на свадьбу. Вероятно, оно и к лучшему, что ныне шумный Эсмонд более не прятался по углам.

Глава 4

К Вериному сожалению, решительный миг Хорэса оказался именно им – мигом. Супруг немедленно пришел в себя боязливый и им остался. К бессмысленной агрессии, направленной на что угодно, даже слегка отмеченное искусством или хотя бы изысканностью, Эсмонда подтолкнула мать, но и влияние отца в последующие несколько лет вряд ли можно считать целительным.

Профессия мистера Ушли, несомненно, утвердила его в старомодных представлениях, что два плюс два неизменно равно четыре, дебет должен сходиться с кредитом, деньги не растут на деревьях и их надо зарабатывать, сберегать и приумножать с процентом, второй закон термодинамики применим к делам человеческим в той же мере, в какой он применим в мире физики. Или, как он выразился одним знойным вечером, когда отца и сына, совершенно против их воли, выслали на «приятную» прогулку в Кроуэм-Хёрст:

– Тепло всегда движется от горячего к холодному, никогда не наоборот. Ясно?

– То есть нечто холодное, вроде кубика льда, не может нагреть огонь на плите? – уточнил Эсмонд, удивив отца своей проницательностью. Хорэс никогда не думал об этом в таких очевидных терминах.

– Именно. Отлично. То же самое и с деньгами. Закон термодинамики применим и к банковским делам. Деньги всегда движутся от тех, у кого они есть, к тем, у кого их нет.

Эсмонд остановился под березами на вершине холма Брейкнек.

– Не понимаю, – сказал он. – Если богатые все время дают деньги нищим, почему нищие остаются бедными?

– Потому что они тратят деньги, разумеется, – раздраженно ответил Хорэс.

– Но если богатые раздают деньги, значит, деньги от них уходят, и, стало быть, богатые не могут оставаться богатыми, – возразил Эсмонд.

Мистер Ушли с тоской взгляделся в далекого игрока на гольф-поле и вздохнул. Он не умел играть в гольф, но вдруг пожалел, что не научился. Его захлестнуло желанием ударить по чему-нибудь, и маленький белый мяч вполне мог бы заменить ему сына. Устояв перед искушением, мистер Ушли изо всех сил постарался улыбнуться и ответить Эсмонду. Хотя и не представлял, что именно тут можно сказать. На выручку пришло некоторое религиозное воспитание.

– Нищих всегда имеем с собою⁵, – процитировал он.

– А почему мы их всегда имеем с собою?

Мистер Ушли попытался назвать хоть одну причину, с чего он привел это утверждение, которое никогда прежде не обдумывал. Как-то не было необходимости. Нищим его услуги управляющего отделением банка были не нужны, а если и нужны, то у нищих нет средств, чтобы за эти услуги заплатить; единственный человек в округе, где проживали Ушли, которого с некоторой натяжкой можно было считать менее благополучным, являлась старая миссис Драпп, уборщица, что приходила дважды в неделю пылесосить и выполнять иные обременительные работы по дому и за свои услуги вымогала по пять фунтов в час. Мистеру Ушли думалось, что она не может считать себя нищей. Но, как бы то ни было, он уже ввязался в спор, и теперь придется его продолжить.

– Нищие всегда с нами потому, – сказал он, внезапно вдохновившись, – что они не сберегают средства. Они тратят все, что заработали, сразу, а богатые, которые гораздо умнее, поэтому они и стали богатыми, возвращают потраченное. Получается циклический процесс, что доказывает мою точку зрения. Я иду домой пить чай.

⁵ Мф., 26:11.

Вот в таких незавершенных дискуссиях о втором законе термодинамики и еще целой куче различных вопросов юный Эсмонд обретал уверенность в бытии. Точнее, не столько уверенность, сколько убежденность в том, что ему, возможно, никогда не постичь природу вещей, но в вещах была определенность предназначения, а у общества – некие неизменные качества, и все это делало понимание совершенно необязательным.

Эти выводы и впрямь произвели некое успокоительное действие, особенно на подростка, подверженного не только эффектам собственного вялого сексуального пробуждения, но и нападкам других мальчиков и, что еще хуже, девочек – из-за его имени, ушей, дурацкой внешности и все еще не вполне изжитой склонности таиться по углам, особенно в минуты душевного разлада. Озлобленность, пробужденная в Эсмонде подобным к нему отношением, находила некоторый выход в ожесточенных барабанных припадках, а позднее – в нескольких фортепианных уроках, но этой отдушины его лишили.

Поскольку Эсмондовы непристойные каракули на стене туалета не возымели хоть сколько-нибудь продолженного действия на прискорбно слащавые чувства матери к нему, которые она так часто выражала публично и многословно, Эсмонд почувствовал себя несколько счастливее, осознав, что в этом мире понимание сути вещей практически необязательно, если вообще возможно.

Таким образом, выбирая между сокрушительной любовью матери и чувствами, которые эта любовь в нем вызывала, и отцовскими жесткими неизменными представлениями примерно обо всем, Эсмонд Ушли замыслил походить на отца. Мышление – процесс семье Ушли неведомый, и замысел Эсмонда был обречен на неудачу.

Глава 5

Хорэс Ушли в последнее время испытывал некоторую симпатию к сыну: мальчишка, благодаря которому можно было утихомирить столь говорливую жену, даже если для этого требуются непристойные картинки в туалете первого этажа и расходы на штукатурку и ремонт, не так уж и плох.

Он даже простил сыну чудовищный барабанный грохот. В конце концов, из-за него Хорэсу приходилось покидать дом гораздо раньше и таким образом избегать пробок, а также он давал совершенно легитимный повод возвращаться поздно, предварительно укрепив дух парой больших виски в местном пабе «Виселица и гусь». Если вдуматься, то и столкновение Веры с инспектором по шумовой экологии и угроза наказания тоже пошли на пользу. У Веры поубавилось авторитарности, а скандал с прорастающей в туалете «штучкой» и рассказы миссис Люмбагоу о происшествии усилили этот эффект.

Иными словами, Хорэс Ушли зауживал разрушительные дарования Эсмонда, нехарактерные для его пугливой натуры. Его прежнее отвращение к юноше, из которого мог вырасти, как ни крути, его робкий двойник, сменилось теплотой к сыну, и появилось глубокое восхищение его характером.

Но когда эти молодые побеги протестности увяли и перерожденный Эсмонд принялся походить на отца, от влюбленности мистера Ушли в сына не осталось и следа.

Быть Хорэсом Ушли уже само по себе скверно, и наблюдение себя в зеркале за бритьем Хорэс Ушли всегда переживал с унынием. Но, поднимая за завтраком голову от тарелки с кашей и видя юную версию себя самого, жуткую копию, которая повторяет все его движения и даже кашу ест в той же манере и с той же неохотой, – Вера считала, что каша есть самая полезная для сердца пища, – Хорэс тем более не находил покоя.

Самочувствию мистера Ушли эти наблюдения тоже не содействовали. Здоровым тело Хорэса Ушли не было никогда, и сейчас оно реагировало на зеркальную копию юного себя, на заре ее мужания, – мужания, какое можно ожидать от банковского управляющего из Кройдона, что изо всех сил стремится, как ни парадоксально, к преждевременной старости, словно пытаясь избежать мучений нежелательного узнавания.

В свои сорок пять Хорэс Ушли выглядел на шестьдесят, а год спустя он уже тянул на все шестьдесят пять: менеджер из Лоулендской штаб-квартиры банка, приезжавший с визитом в Кройдонское отделение, поинтересовался, что Хорэс собирается делать на будущий год, когда выйдет на пенсию. В тот вечер мистер Ушли вернулся из «Виселицы и гуся» с шестью двойными скотчами внутри вместо обычных двух.

– Конечно, я пьян, – ответил он с некоторым трудом на упреки жены. – Ты бы тоже напилась, если б увидела себя моими глазами.

Миссис Ушли закономерно пришла в ярость.

– Не смей так со мной разговаривать! – завопила она. – Ты женился на мне, как ни крути, и я не виновата, что теперь не так хороша, как была в молодости.

– Это правда, – сказал Хорэс, но призадумался над аргументом. Он никогда не считал ее красивой, поэтому не понимал, с чего она подняла эту тему. Но прежде, чем он успел разобраться и отыскал табурет, чтобы на него плюхнуться, супруга продолжила разговор.

– На себя бы посмотрел, – заявила она.

Хорэс уставился на нее и попытался сфокусироваться. Вера явно стояла перед ним в двух экземплярах.

– Я все время на себя смотрю, – пробормотал он, нащупывая табурет. – Это невыносимо. Отвратительно. Некуда деваться от этого. Я... он все время перед глазами. Все, черт бы его подрал, время.

Тут пришел Верин черед пялиться. Она не умела обращаться с пьяными и никогда не видела Хорэса настолько наклюкавшимся. Он пришел домой в этом жутком состоянии, оскорбил ее, свалился на табурет и принялся говорить о себе в третьем лице – все это выходило за грань простого опьянения. На мгновение ей показалось, что здесь дело глубже, возможно – маразм, но тут до нее долетел, а вернее сказать, ее обдал дух виски: Хорэс, посеревший лицом, поднялся на ноги.

– Вот опять! – закричал он, полоумно глядя куда-то ей за спину, на кухонную дверь. – Теперь меня двое. Что они делают в моей пижаме?

Миссис Ушли настороженно глянула за плечо. Теперь ей чудилась белая горячка. Вероятно, Хорэс пил втихую, и вот наконец его это догнало и он сходит с ума. Но к дверям всего лишь прокрался Эсмонд. Однако не успела она указать Хорэсу на этот очевидный факт, как супруг вновь заговорил.

– Проклятое пятно! Исчезни, я тебе говорю! – заорал он. К передозировке скотча явно добавились живые воспоминания о школьной экскурсии в «Олд Вик»⁶. – Раз, два, значит, пришло время это сделать. Как в аду мрачно!⁷

Схватив разделочный нож, Хорэс враскачку двинулся на сына, прыгнул на него – и рухнул лицом вниз.

– Что с папой? – спросил Эсмонд, а Вера присела рядом и забрала у мужа нож.

– Он не в себе, – ответила она. – Или, похоже, ему мерещится, что он – кто-то другой. Или что-то в этом роде. Оставь прятки, Эсмонд, помоги привести отца в порядок, а я пока вызову «скорую».

Они втащили Хорэса по лестнице наверх и уложили в кровать, и тут Вера решила не вызывать врача. Вместо этого она позвонила брату Альберту, и он сказал, что утром прибудет.

– Но ты мне нужен сейчас, – настаивала Вера. – Хорэс только что попытался заколоть Эсмонда. Он спятил.

Альберт оставил при себе соображения об умственном состоянии свояка и положил трубку. Он сам принял алкоголя больше допустимого и не желал терять водительские права ради Хорэса Ушли, который попытался сделать то, что любой другой отец в здравом рассудке совершил бы давным-давно.

⁶ «Олд Вик» – лондонский театр, построен в 1818 г. С 1914 г. на его сцене ставят пьесы Уильяма Шекспира.

⁷ Уильям Шекспир. «Макбет». Акт V, сцена I. Пер. В. Ранонопта.

Глава 6

Покуда Хорэс в пьяном ступоре счастливо избегал страданий семейной жизни, Вера провела бессонную ночь, пытаясь осознать то, что ее муж сошел с ума, потеряет работу и окончит свои дни в приюте для психов, о чем узнают все соседи. Такая комбинация мрачных выводов привела ее к еще более мелодраматическому заключению: Хорэсу, может, и впрямь удастся убить ее душку Эсмонда – стоит ей только отвернуться. Вера Ушли решила никогда не оставлять их одних, и романтическое воображение несколько утешило ее картинами возможной защиты сына от ножа в руках спятившего супруга, даже ценой собственной жизни. Ясное дело, Хорэс погибнет вместе с ней – она проследит, чтоб так и случилось, – и Эсмонд продолжит жить, очень кстати обремененный невозданным чувством вины (Вера не была уверена, что означает «невозданный», кроме того, что это определение явно как-то связано с любовью и почему-то неизбежно) и ужасной тайной произошедшей трагедии, о которой ему не хватит сил кому бы то ни было рассказать. Вера сопровождала эти театральные мысли чередой всхлипов и ближе к рассвету погрузилась в беспокойный сон под храп супруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.